

П. В. Рябов

АНАРХИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ АЛЕКСЕЯ БОРОВОГО (ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО БЕРГСОНИАНСТВА)

Анархическая философия Алексея Борового формировалась под влиянием интуитивизма Анри Бергсона. Боровой соединил идеи Бергсона, Сореля, Бакунина. Он связал теорию анархизма и практику революционного синдикализма. Бергсоновские идеи свободы, жизненного творчества, иррационализма и персонализма стали основанием анархической философии Борового.

The anarchist philosophy of Alexey Borovoy was developed under the influence of Henri Bergson's intuition concept. Borovoy brought together the ideas proposed by Bergson, Bakunin, and Sorel. He combined the theory of anarchism and the practice of revolutionary syndicalism. Bergson's ideas of liberty, creativity, irrationalism, and personalism underlie Borovoy's anarchist philosophy.

Ключевые слова: «философия жизни», романтизм, иррационализм, анархизм, свобода, личность, революционный синдикализм.

Key words: «philosophy of life», romanticism, irrationalism, anarchism, liberty, personality, revolutionary syndicalism.

Воздействие Бергсона на культуру XX в. многообразно. Его мысль повлияла на космизм, экзистенциализм, персонализм, неомонархизм, прагматизм У. Джеймса, учения П. Тейяра де Шардена и Г. Марселя, теорию закрытого и открытого общества К. Поппера, историософию А. Тойнби, синергетику, физику А. Эйнштейна, феноменологию Э. Гуссерля, живопись импрессионистов, католический модернизм, литературное творчество М. Пруста, Д. Джойса, В. Вулфа, Б. Шоу, а также анархизм и революционный синдикализм. В России среди приверженцев Бергсона были анархические мыслители И. С. Гроссман, И. С. Книжник-Ветров и А. А. Боровой (1875–1935) – философ, педагог, оратор, историк, литературовед, юрист, экономист, переводчик, крупнейший теоретик российского постклассического анархизма¹.

Влияние Бергсона на русскую культуру сейчас активно исследуется. Но даже в капитальной монографии И. И. Блауберг о Бергсоне, в которой теме «Бергсон и русская философия» посвящена глава, о Боровом не упоминается [2]. А в новой монографии Ф. Нэтеркотт «Философская встреча. Бергсон в России (1907–1917)» ему хоть и уделено несколько страниц, но изложение носит фрагментарный, а порой и неточный характер [8, с. 209–211, 372–374].

С философией Бергсона Алексей Алексеевич Боровой впервые познакомился в 1903–1905 гг., во время заграничной командировки, связанной с написанием докторской диссертации. Тогда же он осознал себя анархистом. В Париже молодой приват-доцент Московского университета познакомился с Александрой Васильевной Гольштейн – женой бакуниста, близко знавшей самого М. А. Бакунина, подругой детства матери Борового, переводчицей и почитательницей работ Бергсона. Однако Боровой основательно узнал философию французского мыслителя лишь в 1911–1913 гг., когда, спасаясь от судебного преследования со стороны самодержавия, эмигрировал в Париж. В эти годы он систематизировал и углубил свое анархическое мировоззрение, близко ознакомился с французским революционным синдикализмом и капитально изучил бергсонизм. Вот что пишет Боровой в своих неопубликованных мемуарах: «Почему бергсоновское философствование дало мне то, что давала раньше только музыка – Девятая симфония, Фантазия Шумана, Соната Листа – чувство постижения беспорной реальности – живой, трепещущей, неразложимой и, разумеется, недоказуемой. <...> Секрет обаяния бергсоновского философствования был для меня в том, что оно чудесным образом поддерживало и укрепляло во мне уже жившее, просившее выхода наружу, но не умевшее себя оформить. <...> Не давая как будто ничего нового, оно обставляло аргументацией мои убеждения, бывшие для меня достоверными, но остававшиеся вонне недоказанными. Бергсоновское [философствование] вооружало мой “анархизм”» [6, с. 6–9]². Произошло чудо «узнавания». Алексей Алексеевич признается: «...до Бергсона... я не получал от интеллектуальных построений такого полного умственного и душевного удовлетворения, такого иррационального ответа на мои инстинктивные и

¹ Об А. А. Боровом см., например: [10; 12, с. 295–304].

² Об изучении Боровым бергсонизма, его отношении к нему и о встрече с Бергсоном см. [6, с. 1–22].

сознательные стремления «укрепить» мое мировоззрение» [6, с. 5]. Мемуарист отмечает: «Бергсонизм было величайшим в моей жизни философским увлечением, четвертым — после «диалектического материализма», «нищезанятия», «бакунизма» — и последним» [6, с. 19].

В Париже Боровой увлеченно штудировала основные сочинения Бергсона и общается с А. В. Гольштейн [5, с. 77; 6, с. 19–22], которая привела его на лекцию философа. Мемуарист так описал свои впечатления от Бергсона: «Вошел Бергсон. Высокий, тонкий, с вдумчивым усталым лицом еврейского типа, просто одетый, он сел за стол без всякой аффектации и начал говорить. <...> Он думал вслух. Умственная лаборатория Бергсона была распахнута пред всеми настежь. При нас складывались звенья занимавшей философа идеи. Казалось, он тут же искал и находил аргументы в ее защиту, тут же извлекал из огромного запаса естественнонаучных фактов нужные ему иллюстрации и аналогии, тут же соображал и взвешивал силу возможных возражений, нащупывал их слабые места, опрокидывал и утверждал уже как доказанную, неопровержимую свою исходную мысль в ослепительно точной, ясной, доступной всем формулировке. Чистота, тонкость его мышления казались волшебством. Такого мастера, да еще в процессе работы, я не слышал. <...> Никто — и в значительнейшей мысли не мог почувствовать скрытого богатства тем, никто не умел представить самую мысль — не как отвлеченное построение, а как трепещущую жизнь. Я был совершенно очарован» [6, с. 20–22].

Углубленное изучение философии Бергсона сказалось уже на публичной лекции «Разложение рационализма во Франции. Революционный синдикализм и философия Бергсона», прочитанной Боровым в Вольном коллеже социальных наук в Париже. Эта лекция легла в основу третьей главы его книги «Анархизм» и очерков «Разум и его современные критики (К вопросу о новом человеке)», опубликованных по возвращению в Россию в газете «Новь» в 1914 году. Помимо названных многие сочинения Борового обращаются к философии Бергсона: «Разговоры о живом и мертвом» (огромная книга в форме диалогов, которая писалась на протяжении 20 лет и осталась незавершенной и неизданной), а также его великолепные, все еще неопубликованные мемуары «Моя жизнь. Воспоминания», в которой бергсонизму посвящены несколько глав.

Говоря об идейных контекстах и мыслителях, которые опосредовали и определили интерес А. А. Борового к бергсонизму, следует выделить Жоржа Сореля, Михаила Бакунина и традицию романтизма и философии жизни.

Интерес к творчеству Бергсона у Борового возник и развивался в тесной связи с интересом к теории и практике французского революционного синдикализма. Он активно изучал и пропагандировал опыт революционного синдикализма: был лично знаком с Ж. Сорелем, Ю. Лагарделем и другими его ведущими теоретиками³, ходил на митинги синдикалистов, собирал их издания, усердно штудировал литературу о революционном синдикализме, написал о нем ряд работ (например, книгу «Революционное творчество и парламент»), читал посвященный ему курс лекций, участвовал в 1905–1906 гг. в Москве в кружке по изучению и пропаганде идей революционного синдикализма, в 1917–1918 гг. был инициатором создания синдикалистского «Союза работников умственного труда».

Жорж Сорель, сильно повлиявший на Борового, соединил бергсонизм как философию и революционный синдикализм, как социальную практику, сблизив понятия «классовое творчество» и «жизненный порыв»⁴. Подобно Бергсону, Сорель резко критиковал рационализацию, характерную для буржуазного общества (с его «логическим упомощательством», стандартизацией, уничтожением качественного разнообразия и «моралью потребителя»), желая вернуть общество к внерациональным основаниям жизни, находящимся во власти глубинных психологических импульсов. Он превозносил спонтанное начало в человеке и в общественной жизни и связывал критику рационализма с критикой представительной демократии, в которой усматривал культ мещанской посредственности, доктринерский деспотизм абстрактной *общей воли* в духе Руссо и якобинцев. Сорель сблизил бергсоновскую категорию *творчества* (главную характеристику Жизни) с категорией *труда*, объявляя производителя — творцом культуры и истории. Сорель и его последователи, объединившиеся вокруг журнала «Le

³ О своем знакомстве с Сорелем и Лагарделем Боровой рассказывает в мемуарах [6, с. 75–82]. В частности, о Сореле он пишет: «Можно сказать без преувеличения то, что «философия» синдикализма создана им одним. <...> Его влияние на меня, начиная с 1906 г. было значительно» [6, с. 75].

⁴ О Жорже Сореле и его идеях см., например: [13, с. 140–162; 14, с. 162–190]. (Хотя Е. А. Самарская не совсем точно, в духе традиционной советской историографии, именуется Сореля «теоретиком анархо-синдикализма», не видя различий между революционным синдикализмом и анархо-синдикализмом). О влиянии идей Бергсона на Сореля см. [2, с. 501–502].

mouvement socialiste», называли себя «бергсонианской левой». Боровой первоначально воспринял философию Бергсона в сорелевской «оптике».

Не менее значительной для восприятия Боровым бергсонизма стала другая, «заочная», но оттого не менее впечатляющая параллель — между мировоззрениями Бакунина и Бергсона. Поразительна переключка между этими двумя мыслителями, столь различными, но в равной мере повлиявшими на формирование анархизма Борового, который успешно «бакунизировал» идеи Бергсона и «бергсонизировал» идеи Бакунина, обнаружив их удивительные созвучия. Он констатировал в мемуарах: «Философскую близость Бакунина Бергсону я отмечал позже в моей книге “Анархизм” (1918) и в юбилейном издании “Михаилу Бакунину” (1926)» [6, с. 11]. Также на близость философии бакунизма и бергсонизма указывал и другой теоретик анархизма И.С. Гроссман, опубликовавший в эсеровском журнале «Заветы» статью «Бакунин и Бергсон» [7]⁵. Волюнтаризм философии Бакунина, провозглашаемый им «бунт жизни против правления науки», апология спонтанности, примата Жизни над мыслью и разумом (неспособным постигнуть явления Жизни в их непосредственности, текучести и уникальности), отказ от построения завершенных схем, восприятие Жизни как доразумной творческой тотальности, радикальный холизм мировосприятия, мысль об инстинкте (связывающем бытие и мышление) как первичной основе личности и народа, идея «негативной диалектики» (разрушение имманентно созиданию) — вот лишь некоторые бергсоновские мотивы у Бакунина. Согласимся с И.С. Гроссманом: «Внутреннее единство в воззрениях борца Бакунина и мыслителя Бергсона — изумительно» [7, с. 55]. Боровой также констатировал: «Жизнь, примат жизни — центральный фокус бакунинской философии. Жизнь таит в себе неограниченные творческие потенции, она — само творчество. Жизнь есть конкретное и реальное; она господствует над мыслью, она определяет волю» [4, с. 18]⁶.

Боровой открыл для себя философию Бергсона, уже осознав свою принадлежность к духовной традиции романтизма и философии жизни. По замечанию Генриха Риккерта, именно Бергсон «и должен считаться *философом жизни* нашего времени, если под философией мы разумеем учение, а не ряд настроений и убеждений» [9, с. 222]. Бергсон концентрированно и продуманно выразил те настроения и убеждения, которые Боровой в незавершенном и недосказанном виде находил у близких себе мыслителей и, главное, у самого себя. Алексей Алексеевич через марксизм, штирнерианство и краткое, но бурное увлечение ницшеанством пришел к идеям Бергсона, в которых по праву увидел «бунт против “разума” и философско-исторического оптимизма». «Обжегшись на “интеллектуализме”, “фатализме” — именно так был воспринят мной марксизм — я стал невольно тянуться ко всему, что было “волюнтаризмом”, “динамизмом”, “жизнью”, не отдавая отчета, что я ищу себе союзников. <...> Оттолкнувшись от чуждого мне ницшеанского пессимизма и социальных выводов его философствования, не мирившихся с моим политическим радикализмом, тоже инстинктивно приблизился я к Бергсону», у которого «я нашел разрешение моих сомнений» [6, с. 17–19].

Философствование Борового подчеркнуто антисистемно, интуитивно, опирается на мыслеобразы. Его духовный опыт часто опережал рефлексию, чувства были первичны, а их осмысление — вторично. То, к чему Бергсон призывал современную культуру: поворот к искусству, символическому постижению мира, было для Борового органично и естественно. Он воспринимал мир целостно, непосредственно, патетически, музыкально: в единстве описания и осмысления, внешнего и внутреннего, личного и универсального. Боровой, как и Бергсон, далеко не чуждый научных занятий, был страстным врагом педантизма, «цеховой учености», философом-поэтом, полемистом, жизнелюбцем и вольнодумцем. Афористичный, вдохновенный, образный характер бергсоновской философии был близок и дорог русскому анархисту.

У Борового речь шла не просто о заимствовании мыслей Бергсона, а «о самостоятельном синтетическом мировоззрении» [6, с. 13]. Бергсон помог ему лучше осознать и сформулировать собственные теоретические основания. Его цель заключалась в радикальном обновлении философии анархизма, отходе от кропоткинського позитивизма, сциентизма, прогрессизма, установлении сущностной связи анархизма и синдикализма: «Революционный синдикализм был интересен для меня не только чисто классовыми методами работы, отрицанием демократии и парламентаризма, “децентрализационными” стремлениями, идеалом “кооперативизма” etc., но прежде всего “философией”, лежащей в основании его. <...> Меня интересовала особенно близость основных теоретических постулатов движения и философии Бергсона. Революционный синдикализм представлялся мне практическим истолкованием его

⁵ О «бергсоновских» мотивах в философии Бакунина см. также [1; 11].

⁶ Мысли А. А. Борового о «бергсоновских» идеях и темах у Бакунина см. также [4, с. 4, 7, 16, 18–19, 22].

“антиинтеллектуалистического” принципа. Классовое движение — стихийное, волевое, внерассудочное, имманентное природе пролетариата — частным случаем общей “творческой эволюции” — взрыв “жизни”» [6, с. 25–26].

Творчески отбирая из наследия Бергсона важные для себя образы, мысли и темы, Боровой стал не просто видным пропагандистом бергсонизма в России. Процесс куда сложнее: тут и созвучия, и единые духовные истоки (романтизм, философия жизни), и принятие им ряда бергсоновских концепций, и равнодушие к другим его темам, и радикализация в анархическом духе многих мыслей, их включение в свою философию. Ведь — подчеркну — Боровой был именно анархическим философом, одним из немногих творцов анархического мировоззрения, а не «идеологом» или «публицистом», философом, склонным к широкому синтезу. Он стремился углубить философию анархизма, расширить ее идейные горизонты, придать ей динамизм и открытость, переосмыслить ее основания, дать анархические ответы на социальные и культурные вызовы эпохи краха цивилизации модерна, сохранив и усилив присущие анархизму романтический пафос бунтарства, отрицание догм и веру в свободного от опеки человека и спонтанное творчество жизни. Мыслитель соединил бергсонизм с идеями Бакунина, Маркса, Штирнера, Ницше, Достоевского.

Для обоих философов жизнь, творчество и личность взаимно проявляются друг через друга. Личность — центр мироздания, неделимая на части сущность, раскрывающаяся в творчестве. Жизнь — главная метафора, высший арбитр, всеобъемлющая тотальность, первичная реальность, творческий хаос, нечто бездонное, текучее, противоречивое, загадочное, прекрасное, одушевленное, неисчерпаемое. Познание отвергает мертвящий диктат науки, опираясь на непосредственное целостное переживание мира, стирает субъект-объектные оппозиции. Обоснование спонтанности и иррациональности Жизни и первичной «безосновности» человеческой свободы роднит обоих мыслителей, так же как примат Жизни над мыслью, чувства над рассудком, действия над теорией. Но если бергсонизм пронизан едва прикрытым спиритуализмом (апеллируя к неоплатоническому «экстазу» и христианскому мистицизму), то Боровой на уровне деклараций был материалистом и резко отрицал религию как объективацию, догму, не принимал язык религиозных символов и культов. Однако, как всякий приверженец романтизма, он воспринимал мир мистически. Жизнь для него была открытой тайной, которой он был захвачен и поглощен, постигая сущности, не данные в чувственном опыте («дух времени» или «душу Парижа») через музыку, любовь, революцию, созерцание. Он осознавал дух как единственную творческую реальность. Понятия «экстаз» и «энтузиазм», столь значимые для Бергсона, постоянно встречаются и на страницах сочинений «материалиста» Борового. Тема «живого и мертвого» пронизывала всю философию Борового, воплощаясь в ряде оппозиций: «бунтарство — мещанство», «праздник — обыденность», «огонь — холод», «подъем — спад». Спады в творческом порыве порождают застывшую догму, схематизм, мещанство, автоматизм социальной инерции, власть и фетишизм, но они снова и снова преодолеваются в творческих актах, разобъективирующих отчужденное и возвращающих Жизнь в ее «огненное» состояние. И это тоже вполне в духе мировосприятия Бергсона, говорящего о восходящей (творческой) и нисходящей (инертной) тенденциях в мировом процессе. Из хаоса и разрушения рождается гармония, возникают более совершенные формы социальности — эти идеи Бергсона были усвоены Боровым (история есть «борьба с культурой за культуру»). Жить для него — значит выходить за свои пределы в творческом экстазе, низвергать всё, что довлеет над личностью, принудительное и анонимное. Главный императив: быть собой, расширять рамки «человеческого», бунтуя против мертвого и застывшего. Социальная проекция этих идей, выраженная у Бергсона в концепции «открытого и закрытого обществ» и «динамической и статической религий», была развита анархистом в форме критики любой власти и принуждения, иерархий и догм.

И французский философ, и его русский почитатель делали акцент на психологию вместо логики, на индивидуальное вместо общего, на процессуальное вместо статичного. Оба отстаивали несводимость духа к материи, человека к природе, личности к обществу, философии к науке, свободы к необходимости, нового к старому, обосновывая достоинство личности и доверие к спонтанному творчеству Жизни, отвергающему любые оковы. Подобно Бергсону и Бакунину, Боровой отрицал вовсе не разум и науку, а рационализм и сциентизм с их экспансией на все сферы культуры. Он реабилитировал интуитивное постижение мира в его глубине, полноте и своеобразии и подчеркивал, что личность — не только функция общества, но и самобытная творческая единица, способная через бунт переделывать общество и культуру. Для обоих философов свобода — основополагающее качество человека, идущее из глубины целостного «я», которое противостоит внешней власти, объективациям, детерминации. Эта персоналистская

антропология, онтология свободы и интуитивистская гносеология подводят серьезный философский фундамент под анархическое мировоззрение.

Решающее значение Боровой придавал антирационализму Бергсона. «Рационализм» он понимал весьма широко и комплексно: «как мирозозерцание, как культурно-историческое явление, как политическую систему» [3, с. 43]. Сюда входят и доктринерское «идолопоклонство перед разумом», и представительная демократия, и культ абстрактного права, и сциентистское «ослепление» современного человечества, и панлогизм Гегеля, и «исторический материализм» Маркса, и панэкономизм либералов, и идея «абстрактного человека» — всё, что отрицает жизнь, личность, свободу и приносит их на алтарь разнообразных абстракций и «фетишизмов»: «С внешним освобождением он (рационализм. — П. Р.) нес внутреннее рабство — рабство от законов, рабство от теорий, от необходимости, необходимости тех представлений, которые породил он сам. Обещая жизнь, он близил смерть» [3, с. 52]. Отрицая веру в прогресс, попытки разума заковать жизнь в свои оковы, Боровой одновременно отрицал притязания интеллигенции стать новым господствующим классом. Напротив, революционный синдикализм, с его спонтанностью, динамизмом, отказом от «конечной цели», приматом движения над идеологией, тактикой «прямого действия» (исключающей представительство и посредничество), стал для Борового коррелятом бергсоновского понятия «жизненный порыв» — выражением стихийного движения самих масс, сочетающим личную автономию и коллективное действие. Боровой утверждал принципиальную открытость анархической мысли, ее отказ от заготовленных схем и конечных идеалов, вечность борьбы между личностью и обществом (при невозможности для личности как уйти из общества, так и раствориться в нем). В книге «Анархизм» он провозглашает: «Всё “научное”, “объективное”, рационалистически доказуемое бывает безжалостно попорано, наоборот, остается нетленным все недоказанное и недоказуемое, но субъективно достоверное. В “знании” противоречия недопустимы, вера знает любые противоречия. Всякое знание может быть опровергнуто, а веру опровергнуть нельзя. И анархизм есть вера. Его нельзя доказать ни научными закономерностями, ни рационалистическими выкладками, ни биологическими аналогиями. Его родит жизнь, и для того, в ком он заговорит, он достоверен. Тот, кто стал анархистом, не боится противоречий; он сумеет их творчески изжить в самом себе. И анархизм не чуждается “науки”, и анархизм не презирает формул, но для него они — средства, а не цель» [3, с. 160].

Изложив положения философии Бергсона, Боровой заключал: «Вот — мысли, отвечающие анархическому чувству, строящие свободу человека не на сомнительном фундаменте неизбежно односторонних и схоластических теорий, но на пробуждении в нас присущего нам инстинкта свободы» [3, с. 54].

Отметив основные моменты заимствования и совпадения философии Борового с бергсонизмом, укажу и на их различия. Прежде всего, Бергсон создал грандиозное и систематичное здание учения со своей метафизикой, гносеологией, социальной философией, тогда как Боровой вполне равнодушен ко многим областям философии. С другой стороны, русский философ-анархист убедительно демонстрирует возможность развития бергсонизма в либертарном духе, радикализируя его идеи о спонтанности, свободе, персонализме. Если социально-политические взгляды Бергсона не шли дальше либерализма и теории «открытого общества», то Боровой, раскрывая либертарный потенциал бергсонизма, отрицал любую эксплуатацию, власть и иерархию⁷. Бергсон тяготел к мистике и в поздний период творчества был связан с модернистскими католическими кругами, тогда как стихийный мистицизм Борового носил внецерковный и неотрефлектированный характер. Кроме того, его мало привлекала проблематика, столь важная для Бергсона, связанная с естествознанием, вопросами эволюции,

⁷ В мемуарах, написанных в конце 1920 — начале 1930-х гг., Боровой проявляет явное стремление «выгородить» Бергсона от обвинений в «правых» политических взглядах, в отрицании разума и науки, в агностицизме. При этом он явно не хотел видеть мистицизм и спиритуализм Бергсона и его эволюцию к католицизму. Например, он писал: «Как обстояло дело с «партийностью» Бергсона? Это был вопрос первостепенной важности для каждого революционера. <...> Меня не смущали экивоки, что, мол, и реакционный лагерь, в частности католики-модернисты, не прочь попользоваться кой-чем из арсенала интуитивизма. <...> «Философия свободы» Бергсона — учение о мире как непрерывном творчестве, о жизни как потоке сознания, не знающем «мертвых вещей», «инертных состояний», основной пафос его философствования глубоко враждебен любой реакционной метафизике. <...> Логика, научное мышление, телеология в философствовании Бергсона стоят твердо. Нигде он не говорил о банкротстве положительной науки, научного знания. <...> Бергсонизм говорит о двух опытах, двух противоположных движениях, а не о дуализме материи и духа идеалистической философии. <...> Наконец, бергсонизму в целом решительно чужды пассивизм и созерцательность. Они активны с ног до головы» [6, с. 13–15].

времени, космологии, сна, материи, памяти, полемики с дарвинизмом (не говоря уж об интересе к проблемам телепатии и спиритизма). Боровой, подобно Бакунину, — антропоцентрист: его волновала человеческая реальность, личность в ее творческих порывах и в драматических отношениях с обществом. Вопросы историософии, антропологии, социальной философии, осмысление художественного творчества — вот главное проблемное поле для Борового, в чем он ближе не к Бергсону, а к Ницше и Шпенглеру.

А. А. Боровой осуществил плодотворный синтез анархизма и бергсонизма с целью обновления мировоззренческих оснований анархизма. Если философия Бергсона во многом изменила культурную ситуацию XX века, став одной из наиболее радикальных и удачных попыток выработки ответа на всеобъемлющий кризис современного человечества, то философское творчество Алексея Борового стало масштабной попыткой дать ответ на вызовы современной эпохи с позиций анархического мировоззрения. Следующий шаг европейской культуры на пути преодоления дискредитировавших себя сциентизма, прогрессизма, историцизма и рационализма — экзистенциальная философия, наиболее полно отразившая духовный опыт человека в катастрофической ситуации современности. У философии российского анархизма на этот шаг уже не оставалось времени: его существование было насильственно прервано в 1930-е гг. на целых полвека. Тем интереснее и поучительнее обратиться к полузабытым идеям Алексея Алексеевича Борового — талантливейшего из философов постклассического российского анархизма.

Список литературы

1. Арефьев М. А., Давыденкова А. Г., Гарявин А. Н. Михаил Бакунин и Анри Бергсон о «философии жизни» // Прямухинские чтения 2006 г. М., 2007. С. 233–238.
2. Блауберг И. И. Анри Бергсон. М., 2003.
3. Боровой А. А. Анархизм. М., 2009.
4. Его же. Бакунин. М., 1994.
5. Его же. Моя жизнь. Воспоминания. Гл. 5: Заграничная командировка // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 166.
6. Его же. Моя жизнь. Гл. 18–25 // Там же. Д. 170.
7. Гроссман И. Бакунин и Бергсон // Заветы. 1914. №5. С. 47–62.
8. Нэттеркотт Ф. Философская встреча. Бергсон в России (1907–1917). М., 2008.
9. Риккерт Г. Философия жизни // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.
10. Рябов П. В. Алексей Алексеевич Боровой и его книга «Анархизм» // Боровой А. А. Анархизм. М., 2009. С. III–VI.
11. Его же. Жизнь и наука в философии М. А. Бакунина // Гуманитарные исследования: альманах. Вып. 2. Уссурийск, 1998. С. 100–104.
12. Его же. Философия классического анархизма (проблема личности). М., 2007.
13. Самарская Е. А. Подъем и упадок индустриального социализма. М., 2007.
14. Ее же. Социал-демократия в начале века. М., 1994.

Об авторе

П. В. Рябов — канд. филос. наук, доц. кафедры философии Московского педагогического государственного университета.

Author

Dr. P. Ryabov, Associate Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University.